

Л. М. Глушкина
**ФРАТРИЯ И РОД В СТРУКТУРЕ
 АФИНСКОГО ПОЛИСА В IV в.
 ДО Н.Э.**

В последние десятилетия наблюдается оживление интереса к вопросам полисной структуры. Появился ряд работ, в которых по-новому рассматривается социальная и политическая стратификация древнегреческих обществ. Среди них следует прежде всего назвать фундаментальное исследование Ф. Буррио об афинском роде, где автор, подвергнув тщательному анализу имеющиеся античные свидетельства, решительно выступает против *opinio communis* и предлагает свое понимание генезиса, характера и эволюции греческого рода¹. К близким ему выводам независимо от Ф. Буррио приходит Д. Руссель в исследовании, появившемся в том же 1976 г.² Автор уделяет основное внимание филам, но немалое место отводит роду и фратрии. Проблеме соотношения семьи, рода, фратрии и государства в древней Греции посвящен ряд интересных работ С. Хамфриз³.

При рассмотрении этих проблем внимание не случайно концентрируется на Афинах, а основная масса привлекаемых античных свидетельств относится к IV в. до н. э. Это объясняется большим удельным весом афинского материала в сохранившейся традиции, увеличением числа данных именно для IV в. до н. э. и глубокими переменами, происходившими в мире греческих полисов в этом столетии.

В данной статье рассматривается вопрос о характере, роли и функциях рода и фратрии в Афинах IV в. до н. э., о взаимоотношении этих социальных организмов и месте, которое они занимали в системе полиса в целом⁴.

Когда мы говорим о составных элементах афинского полиса в послеклисфеновский период, имея в виду его политическую организацию, то на первый план правомерно выступают демы и филы. Политическая и правовая дееспособность афинского гражданина начиналась с момента его

¹ Bourriot F. Recherches sur la nature du génos. — Etude de l'histoire sociale athénienne, périodes archaïque et classique. T. I—II. Lille — Paris, 1976.

² Roussel D. Tribu et cité (Annales littéraires de l'Université de Besançon, 193). F., 1976. См. рец.: Gauthier Ph. — RH, CCLIX (1978), p. 509—515.

³ Humphreys S. C. Archaeology and the Social and Economic History of Classical Greece. — PdP, 116, 1967, p. 374—400; Momigliano A., Humphreys S. C. The Social Structure of Ancient City. — Annali della Scuole Normale Superiore di Pisa. Serie III, v. IV, 2. Pisa, 1974, p. 330 sgg.; Humphreys S. C. Family Tombs and Tomb Cult in Ancient Athens: Tradition or Traditionalism? — JHS, C, 1980, p. 96—126.

⁴ Мы не будем касаться сложного и вызывающего в науке противоречивые толкования вопроса о генезисе этих древнегреческих институтов. Ср. Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley — Los Angeles, 1962, p. 161: The history of gene and phratry is thus very obscure and does not contribute decisively to understanding the development of Athens; Starr Chester G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 137 ff.

включения в списки членов дема — *ληξίαρχικόν γραμματεῖον*. Все его отношения с полисом — будь то военная служба, финансовые повинности, литургии, занятие выборных должностей, участие в экклесии и гелизе, право на долю в государственных раздачах и т. д. — строились на основе его принадлежности к дему и филе.

Какую же роль при этом играла фратрия? Можно ли считать ее структурообразующим элементом полиса как политического организма? По этому вопросу в литературе нет однозначного ответа, хотя ряд исследователей полагает, что принадлежность к фратрии афинского гражданина имела такое же значение, как его запись в списки дема⁵. Это мнение как будто подтверждается тем, что любой афинянин был, как правило, членом не только дема, но и фратрии, и при даровании гражданских прав — это засвидетельствовано во всяком случае с конца V в. до н. э. — новоявленный афинянин зачислялся наряду с демом и филей и во фратрию⁶. Однако в политической жизни Афин IV в. до н. э., о которой сохранилось большое число свидетельств, фратрия оказывается в стороне. Она не только не играет никакой роли в осуществлении политических функций афинских граждан, но не участвует в столь важных для того времени мероприятиях, как проверка гражданских списков в общегосударственном масштабе. Как известно, литература IV в. до н. э. изобилует жалобами на засорение состава граждан⁷. Обычно речь идет о демах, хотя иногда упоминаются и фратрии⁸. Когда принимались радикальные меры в форме поголовной проверки состава граждан, они проводились по демам. Так, в LVII речи Демосфенового корпуса выступает афинянин Евксифей, исклученный из *ληξίαρχικόν γραμματεῖον* дема Галимунт при всеобщей проверке 346/345 г. до н. э. и воспользовавшийся своим правом апелляции в гелизю. Эта речь Демосфена содержит уникальные свидетельства о процедуре подобной проверки в деме и о возможных при этом злоупотреблениях. Доказывая свое право на афинское гражданство, Евксифей приводит свидетельские показания родственников со стороны отца и матери, свойственников и друзей. Среди свидетелей фигурируют и отдельные фратеры⁹. Сам факт представления его ребенком фратрии и внесения в ее списки не играет роли решающего доказательства. Список фратрии не упоминается¹⁰.

В судебном процессе такого же рода, для которого написана XII речь Исея, фратеры вообще не привлечены, даже в качестве свидетелей¹¹.

⁵ См., например, *Rousset. Op. cit.*, p. 145, 277 suiv.; *Momigliano, Humphreys. Op. cit.*, p. 350; *Lacey W. K. The Family in Classical Greece*. 2nd ed. L., 1972, p. 280; *Ehrenberg V. Der Staat der Griechen*. I. Lpz, 1957, S. 67; *Littman R. J. Kinship in Athens*. — AS, 10, 1979, p. 9.

⁶ См. IG, I², 110—M—L № 85, 15—17: εἶναι δὲ Θρασύβολου Ἀθηναίου καὶ φυλῆς καὶ φρατρίας ἧ[ν] ἂν βέλεται γράψασθαι αὐτόν. аналогичную формулу в декретах IV в. до н. э.: Syll.³, 175, 226, 310, 343, 347; SEG, XXI, 310.

⁷ См. *And.*, I, 149; *Isocr.*, VIII, 50, 88—89; *Dem.*, XIII, 23—24; XLIV, 37; LVII, 2—3, 49, 55, 59; *Hyper.*, III, 3; *Harpocr.*, s. v. Ἀγασκλής; *idem.* s. v. Ποταμός. Эти жалобы имели двойкий характер. С одной стороны, они выражали недовольство самой практикой дарования гражданских прав чужеземцам, в том числе и недостойным этой привилегии. См. *And.*, I, 149; *Lyc.*, Leocr. 41; *Dem.*, LVII, 3; *Isocr.*, VIII, 50, 88—89. С другой — подчеркивались факты злоупотреблений, когда в списки граждан проникали люди, не имевшие на это никаких прав (*Dem.*, XIII, 23—24; LVII, 49, 59, 60; LIX, 28; *Hyper.*, III, 3).

⁸ См., например, *Isocr.*, VIII, 88; *Dem.*, LIX, 13; *Aristoph.*, Av. 762—765.

⁹ См. *Dem.*, LVII, 20—24, 37—40, 43—44, 67. Среди свидетелей — двоюродные братья, племянники, дети племянников, мужья сестры и двоюродных сестер, затем уже фратеры и геннеты.

¹⁰ Список членов фратрии назывался *κοινὸν γραμματεῖον* или *φρατρικὸν γραμματεῖον* (*Isae.*, VII, 16—17; *Dem.*, XLIV, 41; Syll.³, 921.20).

¹¹ *Isae.*, XII, 1, 5—7, 11. В числе свидетелей — συγγενεῖς, οἰκεῖοι. Фратеры упоминаются лишь в связи с расходами, которые отец Евфилета, отвергнутого при проверке в деме Эрхия, понес, воспитывая его и введя во фратрию (§ 3).

Проводилась ли проверка состава граждан повсеместно, как то было в 346/345 г. до н. э.¹², или в отдельных демах ввиду чрезвычайных обстоятельств (например, потеря списков)¹³, процедура ее проведения была всегда одинаковой, раз и навсегда установленной: тайное голосование демотов после принесения ими соответствующей клятвы по поводу каждого числившегося в списке лица; в случае возражений кого-либо из присутствовавших могли возникнуть дебаты; отвергнутый при голосовании в демме имел право апеллировать в гелиэю. Невозможно себе представить, чтобы какой-либо дем сам, по своей инициативе, что-либо изменил в процедуре проверки. Она была актом государственного значения, и правила ее проведения диктовались полисом.

Иначе дело обстояло с фратрией. Мы осведомлены об этом благодаря большой надписи фратрии Демотионидов,¹⁴ содержащей несколько декретов, первые из которых относятся к началу, а последний — к середине IV в. до н. э. Кроме первой небольшой части, где говорится о доле жертвенных животных, полагавшихся жрецу, все решения касаются правил проверки и включения во фратрию. Определена процедура апелляции отвергнутых. Апеллировать следовало не в гелиэю, а к самим Демотионидам. На будущее предлагалось лицу, которое вводило во фратрию, представлять трех свидетелей из его фиаса, а если не наберется такого числа фиасотов, — из других фратеров. Голосованию фратрии предшествовало голосование фиаса. Право окончательного решения принадлежало фратрии.

В последней части надписи, датированной серединой IV в. до н. э., предписывается еще одна мера предосторожности. После принесения жертвы *koureion*¹⁵ и до внесения мальчика в списки (промежуток равен году)¹⁶

¹² Aeschin., I, 77, 86, 114; II, 182; Dem., LVII, hypoth.; Harpocr., s. v. διαψήφισις; Dion. Hal., Dein. 11.

¹³ Dem., LVII, 26, 60. Оратор обвиняет Антифила, отца Евбулида, добившегося его исключения, в том, что тот, в бытность свою демархом, умышленно заявил, что пропали списки, намереваясь при необходимости последовавшей за этим поголовной проверке демотов исключить неугодных ему лиц, а подкупивших его незаконно ввести в дем.

¹⁴ IG, II², 1237; Syll.³, 921; в надписи 126 строк. Состоит она из четырех частей, первые три (сткк. 1—113) написаны одним резчиком и датируются началом IV в. до н. э., последние (сткк. 114—126) — несколькими десятилетиями позднее. В первой части (сткк. 1—8) говорится, что стелу поставил жрец Феодор, сын Эвфантида, и перечисляется то, что он должен был получать от жертв *meion* и *koureion*. Во второй части (сткк. 9—68), датированной афинским архонтом Формионом (*ἐπὶ Φορμίωνος ἀρχοντος* Ἀθηναίων — 396/5 г. до н. э. — и фратриархом (*φρατριάρχωντος δὲ Παντακλεους* ἐξ Οἴου), предписывается по предложению Гиперокла немедленно проверить тех, кто еще не подвергнут этой процедуре в соответствии с законом Демотионидов (*ὁποῖοι μὴ πῶ δεδύχασθ' ἔσαν κατὰ τὸν νόμον τοῦ Δημοτιωνιδῶν*). Тот, кто будет отвергнут при голосовании, вычеркивается из списка Демотионидов жрецом и фратриархом. Лицо, представившее фратрии отвергнутого, карается штрафом в 100 драхм. В будущем проверку проводить на второй год после принесения жертвы *koureion*. Далее говорится о праве апелляции к Демотионидам, выделении пяти синегоров из «ойкоса Декелея», о приведении их к клятве жрецом и фратриархом. Если апелляция безуспешна, подавший ее платит 1000 драхм штрафа, взыскивавшегося жрецом «ойкоса Декелея». Жертвы *meion* и *koureion* впредь должны были приноситься на алтаре в Декелее, разве только этому помешает эпидемия или война (*εἰ μὴ λοιμός τις ἔσται ἢ πόλεμος* — слова эти в стк. 59 дополнены издателями с учетом послевоенных настроений в Афинах). Третья часть (сткк. 68—113) содержит решение, принятое по предложению Никодема: привлекать вступать при записи детей во фратрию свидетельские показания фиасотов, проводить предварительное голосование кандидата в фиасе, но при любом его результате окончательным является голосование во фратрии. В четвертой части (сткк. 114—126), датированной, по палеографическим данным, серединой IV в. до н. э., говорится о поправке Менексена: после принесения жертвы *koureion* выставлять для ознакомления фратеров сведения об отце и матери того, кого собирались вводить в состав фратрии.

¹⁵ См. Latte K. Phratric. — RE, XXXIX, Hbhd., 1941, Sp. 751 f.

¹⁶ В других фратриях, по-видимому, такого интервала не было. Ср. Isae., VI, 22; VII, 15; Dem., XLIII, 13, 82.

фратриарх и жрец обязаны были выставить в посещаемых декелеянами местах сведения об отце (отчество и дем) и о матери (имя и дем ее отца) ¹⁷.

Таким образом, основное содержание решений фратрии в течение первых нескольких десятилетий IV в. до н. э. говорит о стремлении как можно тщательнее проверять вступающих в нее и отсеивать тех, кто не имел на то права. Фратрия как бы подражает полису, принимавшему соответствующие меры в общегосударственном масштабе, разделяя тревогу по поводу незаконного проникновения в состав граждан, однако это делается по инициативе фратрии, а не полиса, а главное — принимается своя процедура, вовсе не обязательная для других фратрий.

Из судебных речей афинских ораторов, прежде всего Исея и Демосфена, видно, что далеко не всегда к приему во фратрию привлекались фиасы. При неоднократных упоминаниях о введении во фратрию сыновей (как родных, так и приемных) ¹⁸ ничего не говорится о фиасах как подразделениях фратрии и об их участии в процедуре ¹⁹. Зато нередко упоминается введение к геннетам и оргеонам, явно причастным к фратрии ²⁰. В надписи же Демотионидов эти группы вообще отсутствуют.

О том, что геннеты и оргеоны входили в состав фратрии, свидетельствует сохранившийся у лексикографов фрагмент аттидографа Филохора, вызвавший много споров и противоречивых толкований. Текст фрагмента гласит: τοὺς δὲ φράτορας ἐπάναγκες δέχεσθαι καὶ τοὺς ὀργεῶνας καὶ τοὺς ἀπογάλακτας οὓς γεννήτας καλοῦσιν ²¹. Это обычно понимают как свидетельство о законе и приписывают его то Солону, то Клисфену ²². Что касается сути закона, то большая часть исследователей видит здесь демократизацию фратрий — допуск в них наряду с родовой знатью — геннетами и простолюдинов-оргеонов. Причем, по мнению одних, оргеоны вообще раньше не входили во фратрию, другие полагают, что внутри фратрии шла борьба и геннеты пытались вытеснить уже входивших в ее состав представителей простолюдей. Высказывалось и такое предположение, что в ходе борьбы верх стали брать незнатные фратеры, которые готовы были исключить из состава фратрии знать ²³. Диапазон толкований, как мы видим, весьма широкий.

Эндрюз, посвятивший в 1961 г. специальную статью фрагменту Филохора, относит упоминаемый в нем закон ко времени Перикла и связывает

¹⁷ Отсюда очевидно, что члены фратрии могли принадлежать к разным демам. Это подтверждается и тем, что фратриарх Пантакл, упоминаемый в надписи, был из дема Ойон (сткк. 9—10), а основная часть фратрии приписана была к Декелейскому дему.

¹⁸ См., например, *Isae.*, II, 14, 16—17, 45; VI, 21—22; VII, 13, 15—17, 27, 43; VIII, 19; XII, 3; *Dem.*, XXXIX, 4; XL, 11; XLIII, 11—14, 82; XLIV, 41, 44; LVII, 46, 54; LIX, 118; *Lys.*, XXX, 2.

¹⁹ У Исея (IX, 30) упоминается введение в фиас, но вне связи с фратрией. Речь идет о пасынке, которого воспитывал отчим и так хорошо относился к нему, что приобщил к фиасам Геракла (εἰς τοὺς φιάτρος τοὺς Ἡρακλέους ἐχέον ἐῖσθ' ἄγε νῦν μετέχῃ τῆς κοινωνίας). Сообщество было, по-видимому, чисто культового характера, подобно фиасам, о которых столь непочтительно говорит Демосфен, обвиняя Эсхина, будто тот в детстве участвовал в их пьяных сборищах и процессиях (*Dem.*, XVIII, 259—260; XIX, 199).

²⁰ См. *Isae.*, II, 14, 16, 17, 45 (оргеоны); VII, 13, 15, 17, 28, 43 (геннеты); *Dem.*, LVII, 24, 54, 67; LIX, 59.

²¹ PGrH 328 F 35a — b; *Harpocr.*, Suda, s. v. γεννήτας.

²² Закон приписывают Клисфену: *Busolt G.*, *Swoboda H.* *Griechische Staatskunde*. B. I. München, 1920, S. 252; B. II, 1926, S. 880, 959; М. Гвардуччи (*Guarducci M.* *Orgeoni e tiastoi*. — *RFIC*, N. S. XIII, 1935, p. 335) колеблется, отнес ли его к Клисфену или Солону. Автором закона считают Солону; *Ehrenberg*. *Op. cit.*, S. 17; *Wade-Gery H. T.* *Studies in the Structure of Attic Society*. — *Cl. Qu.*, XXV, 1931, p. 129 ff.; *Littman*. *Op. cit.*, p. 12; *Nilsson M. P.* *Geschichte der griechischen Religion*. 2. Aufl. München, 1955, S. 710, Anm. 1; *Kahrstedt U. von*. *Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen*. Stuttgart — Berlin, 1934, S. 236, и др.

²³ Cp. *Busolt* — *Swoboda*. *Op. cit.*, S. 252; *Latte*. *Op. cit.*, Sp. 750; *Bourriot*. *Op. cit.*, p. 602 suiv.; *Roussel*. *Op. cit.*, p. 146 suiv.; *Kahrstedt*. *Op. cit.*, S. 232 f.; *Guarducci M.* *L'istituzione della fratria nella Greca antica e nella colonie d'Italia*. — *Memorie della Accademia nazionale dei Lincei*. 6 Ser., VI, 1, 1937, p. 16.

с законом о гражданских правах 451/450 г. до н. э. К этому же времени он относит законодательное предписание о делении фратрии на фиасы²⁴. В упоминавшейся выше работе Буррио об афинском роде уделено место и фрагменту Филохора²⁵. По мнению автора, речь идет не о законе, регулирующем состав фратрий, а о порядке, принятом по инициативе самих фратрий в конце V или начале IV в. до н. э.²⁶ Так как после Пелопоннесской войны осложнилось положение со списками граждан и многое подлежало проверке, решено было упростить процедуру: лица, включенные в состав геннетов или оргеонов, не подлежали дальнейшей проверке и автоматически вносились в списки фратрии. В начале процедуры фратриарх произносил приведенную у Филохора формулу, и на этом дело кончалось.

Надо сказать, что еще в конце XIX в. У. Виламовиц усомнился в том, что у Филохора идет речь о законе государства и высказал предположение, что это было решением одной какой-либо фратрии в тот же примерно период, которым датируются первые декреты Демотионидов²⁷.

Против мнения, что перед нами закон Солона, Клизфена или Перикла, можно привести *argumentum ex silentio* — молчание всех других источников, подробно сообщающих об их реформах. Относительно Клизфена Аристотель в «Афинской политике» прямо утверждает, что тот ничего не изменил в системе фратрий, родов и жречеств²⁸. Правда, в «Политике» того же Аристотеля говорится об увеличении числа фратрий и фил как демократической мере, и называются при этом Клизфен и Кирена²⁹. Но упоминание Клизфена в этом контексте вполне оправдано в связи с проведенной им реформой фил, а перемены в числе фратрий, вероятно, следует отнести к Кирене. О том, что еще в VII в. до н. э. все афиняне входили в состав фратрий, свидетельствует упоминание фратеров в законе Драконта об убийстве³⁰.

Таким образом, есть основания отвергнуть распространенное мнение, будто Филохор сообщает текст закона Афинского государства, касающегося состава фратрий. Слова *τοὺς δὲ φράτορας ἐκείνορας δὲ οὐδεὶς οὐκ ἀναγκαῖον* не обязательно понимать в императивном смысле. Это может быть просто констатацией факта. Фрагмент начинается с этих слов, контекста мы не знаем, но частица *δέ* свидетельствует о продолжающемся рассуждении. Смысл можно было бы гипотетически восстановить следующим образом: «... ведь, как правило, во фратрию принимаются те, которые входят или уже вошли в состав оргеонов или геннетов»³¹. По-видимому, те фратеры, которые не

²⁴ Andrewes A. Philochoros on Phratries.— JHS, LXXXI, 1961, 1, p. 1—15.

²⁵ Bourriot. Op. cit., p. 595—677.

²⁶ Филохор пишет об этом в IV книге своей Аттиды. Сохранившийся фрагмент III книги сообщает о событиях 464 г. до н. э., а фрагмент V книги — о событиях 395/4 г. до н. э. Таким образом, предполагается, что в IV книге рассматривались события, происходившие в промежутке между реформой Эфиалта и концом Пелопоннесской войны. Cp. Andrewes. Op. cit., p. 2.

²⁷ Wilamowitz-Moellendorf U. von. Aristoteles und Athen, B. II. B., 1893, S. 269.

²⁸ Arist., Ath. Pol. XXI, 6: *τι δὲ γέννη καὶ τὰς φρατρίας καὶ τὰς ἱερουσίας εἰσαὶν ἔχον κατὰ τὰ πάτρια*.

²⁹ Arist., Pol. VI, 2, 11, 1319b sqq. Cp. Доватур А. И. Политика и Политики Аристотеля. М. — Л., 1965, с. 129, 277.

³⁰ М. — Л., № 86. 18—19, p. 264—267; Dem., XLIII, 57—58; cp. Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley — Los Angeles, 1968, p. 5—7.

³¹ Относительно того, что собой представляли геннеты, а в особенности — оргеоны, существуют противоречивые суждения. Общим мнением является то, что первые представляли собой знать, вторые — незнатных афинян. Но нет единогласия по вопросу о происхождении и характерных чертах этих групп. См. Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964, с. 213 сл., 218; Колобова К. М. К вопросу о возникновении Афинского государства. — ВДИ, 1968, № 4, с. 41—55; Busolt — Swoboda. Op. cit., S. 250, 956; Wade-Gery H. T. Eupatridai, Archons and Areopagus. — Cl. Qu., XXVII, 1931, p. 1—11; Guarducci. Orgeoni e tiasoti, p. 332—340; Kahrstedt. Op. cit., S. 230 f.; Ferguson W. S. The Salaminioi of Hertaphylai and Sounioi. — Hesp., VII, 1938, p. 45 f.; Costello D. P. Notes on the Athenian Γέννη. — JHS, LIII, 1938, p. 171—179; Andrewes. Op. cit., p. 9, 14; Hammond M. G. L. Land Tenure in Attica and Solon's Seisachtheia. — JHS, LXXXI, 1961, p. 78—98; Bourriot. Op. cit.,

входили ни в ту, ни в другую группу, могли вызывать больше сомнений при представлении фратрии их детей. Вспомним усложненную систему проверки во фратрии Демотионидов, где не участвуют ни геннеты, ни оргеоны.

Соглашаясь с мнением Виламовица и Буррио, что текст Филохора не обязательно понимать как закон, навязанный полисом фратрии, мы не можем принять гипотезы Буррио о том, что в конце V или начале IV в. до н. э. была упрощена процедура приема во фратрию путем автоматического включения тех, кто уже прошел проверку оргеонов или геннетов. Во-первых, именно в это время, особенно в IV в. до н. э., в связи с учащающимися случаями незаконного проникновения в списки граждан принимаются меры не по упрощению, а по усложнению процедуры приема. Насколько сильна была эта тенденция, свидетельствуют опять же декреты Демотионидов. Во-вторых, невозможно представить себе, чтобы афинская демократическая система допустила привилегированное положение какой-либо части фратеров в сравнении с остальными. Не все члены фратрии принадлежали к одной из этих групп. Об этом отчетливо свидетельствуют судебные речи афинских ораторов. При немногочисленных упоминаниях в них случаев представления фратрии законных или приемных детей введение их к оргеонам или геннетам встречается только изредка³². По-видимому, не только состав фратрий был неоднородным, но отличались они и по своей структуре. Хотя эпиграфические свидетельства как будто говорят о делении на фиасы в некоторых афинских фратриях (не только у Демотионидов)³³, нет оснований считать это деление повсеместным. При совпадении общих черт фратрии различались в деталях. В рамках полисной системы они обладали известной автономией при решении своих внутренних дел, в том числе и при определении деталей процедуры включения в свой состав³⁴. Политическая жизнь полиса протекала без участия фратрий, он не вмешивался в их внутреннюю организацию, подобно тому как допускал существование многочисленных частных сообществ и культурных ассоциаций. Фратрия не была составной частью политической организации полиса, и постепенное угасание ее деятельности не отразилось на его судьбе³⁵.

р. 329 suiv., 484 suiv., 678—682, и др. Мне, к сожалению, остались недоступными две работы Фергюсона об оргеонах: *The Attic Orgeones*.— *Harvard Theological Review*, XXXVII, 1944, р. 61—140; *Orgeonica*.— *Hesp.*, Suppl. VIII, Melanges Schear, 1949, р. 130—163.

³² *Isae.*, II, 14, 16, 17, 45 (оргеоны); VII, 13, 15, 17, 43 (геннеты); *Dem.*, LVII, 24, 54, 67; LIX, 59 (геннеты).

³³ Так, в надписи начала IV в. до н. э. (IG, II², 2344) после слов *οἱ φράτεραι* следует список из 20 имен, судя по которым перед нами три родственные группы: одна из них включает девять человек, вторая — шесть, третья — три. Принадлежность двоих неясна. В другой надписи первой половины IV в. до н. э. (IG, II², 2345) содержится список имен, разделенных на пять групп, с заголовками: *Ἀγνοῖου φιάζος*, *Ἀντιφάνου φιάζος* и т. д. Рядом с именами стоят суммы — от пяти до ста драхм, — очевидно, каких-то взносов на пукды фиаса. А. Премерштейн (*Premmerstein A. von. Phratern-Verbände auf einem attischen Hypothekenstein*.— *AM*, XXV, 1910, S. 122 ff.) сопоставляет эти фиасы с подразделениями фратрии Демотионидов. Ср. IG, II², 2723 — *horos* — свидетельство заклада земельного участка (середина IV в. до н. э.). Среди пяти кредиторов группа лиц, обозначенных *οἱ μετὰ ῥασιστράτου Ἀναφλο*. И *οἱ μετὰ Νίχωνος Ἀναφλο*. Это тоже, по-видимому, подразделения фратрии. Ср. *Andrewes. Op. cit.*, р. 11. Фиасы другого типа — общества для совместного отправления религиозных, нередко мистических обрядов, подобные тем, за причастность к которым в детстве Демосфен упрекает Эсхина (*Dem.*, XVIII, 259—260; XIX, 199), могли включать и неграждан. См. IG, II², 1261, 1263, 1271, 2347, 2348. Ср. для более позднего периода: *Philo, Quod omnis probus liber sit*, 85.

³⁴ У фратрий были свои законы (Syll. ³, 921. 14—15: *κατὰ τὸν νόμον τὸν Δημοτιωνίδων*; ср. *Isae.*, III, 76; VII, 16—17; VIII, 18), они, разумеется, не могли противоречить законам полиса, но все же свидетельствуют об известной самостоятельности в решении своих дел.

³⁵ Если от IV в. до н. э. дошло большое число свидетельств о деятельности фратрий, то в III в. до н. э. оно значительно сократилось, пока не было сведено на нет. Ср. *Roussel. Op. cit.*, р. 140, 148, not. 9. Полис сохранил свою основную структуру и после исчезновения фратрий.

Но чем же определяется значение фратрии, ее бесспорная активизация в IV в. до н. э. и обязательное, как правило, включение новых граждан в ее состав ³⁶? Кроме отмечаемой обычно роли фратрии в области религии и приобщения через нее к культам полиса как гражданской общины ³⁷ следует подчеркнуть еще один важный аспект. Как известно, фратрия оповещалась о заключении брака ³⁸, ей представлялись и вносились в списки дети афинских граждан ³⁹. При отсутствии официальной регистрации браков и рождений фратрия была инстанцией, где это фиксировалось. Все более строгие правила относительно гражданских прав, признававшие гражданином лишь того, у кого оба родителя афиняне, притом состоящие в законном браке ⁴⁰, увеличивали роль фратрии как первого официально свидетеля появления законного потомства. Включение во фратрию не гарантировало гражданских прав, но было как бы первой ступенью — залогом будущего гражданского полноправия.

Этим, однако, вопрос не исчерпывается. Лицам, получившим афинское гражданство по решению народного собрания, незачем было доказывать, что они рождены от родителей-афинян, и фратрия в этой функции была не нужна. Между тем, как уже было сказано, они приписывались к филе, дему и фратрии. Это имело значение для приобщения к культам, игравшим большую роль в жизни гражданской общины полиса. Наряду с этим, по-видимому, имели значение и другие обстоятельства. Так известно, во время Пелопоннесской войны и в последующий период происходят серьезные изменения в имущественных отношениях, земля все чаще становится предметом купли-продажи, распространяются различного рода сделки под залог недвижимого имущества. Большее значение, чем прежде, приобретают предпринимательская деятельность, ростовщичество, стремление к обогащению. В этих условиях учащаются споры по поводу наследств, осложняемые недостаточно ясными формулировками приписываемого Солону закона о завещаниях. Многочисленные судебные речи, посвященные тяжбам о наследствах ⁴¹, иногда растягивавшимся на несколько поколений ⁴², показывают, какое огромное значение имело определение степени родства, подтверждение легитимности брака и потомства. При отсутствии соответствующих государственных органов регистрации актов гражданского состояния роль фратрии была неоценимой. Если по-

³⁶ Правда, когда в 373 г. до н. э. платейцы, уцелевшие от расправы фиванцев, бежали в Афины, они получили там гражданские права (*Dem.*, LIX, 104—105; *Diod.*, XV, 46), они были приписаны к демам и филам, но не к фратриям. В течение IV в. до н. э. постепенно усложняется процедура дарования гражданских прав (двойное голосование в экклесии, затем докимация в дикастерии). Приписка допускается к любой фратрии, кроме закрытых. Это, по-видимому, связано с культовыми соображениями и приписывается Ликургу. Ср. *Osborne M. J. Attic Citizens Decrees: a Note.* — *ABSA*, LXVII, 1972, p. 129—158; *idem. Three Athenian Citizenship Decrees.* — *ZPE*, IX, 1972, 2, p. 183—185; *idem. Athenian Grants of Citizenship after 229 B. C.* — *AS*, VII, 1976, p. 107—125; VIII, 1978, p. 75—81.

³⁷ Общеафинский праздник Апатурии справлялся по фратриям в одном и том же месяце *παιονοσιоне* и длился три дня. Но эти дни могли не совпадать в разных фратриях. См. *Deubner L. Attische Feste*. В., 1956, S. 232—234; *Parke H. W. Festivals of the Athenians*. Л., 1977, p. 88—90.

³⁸ Муж вводил жену во фратрию и приносил жертву *χατηλία*. Это было одним из доказательств законности брака. См. *Isae.*, III, 76, 79; VIII, 18, 20; *Dem.*, LVII, 43; *Harpocr.*, s. v. *χατηλία*.

³⁹ По-видимому, представлялись и вносились в списки только сыновья, хотя позднее свидетельство Поллукса (VIII, 107) упоминает и дочерей. О возможности введения дочери во фратрию говорит и Исей (III, 73), но здесь речь идет об эпиклере, и ситуация — не реальная, а гипотетическая. Ср. *Gould J. Law, Custom and Myth: Aspects of the Social Position of Women in Classical Athens.* — *JHS*, C, 1980, p. 38—59, особенно 40 f.

⁴⁰ См. *Isae.*, VII, 16; VIII, 43; XII, 9; *Dem.*, LVII, 30; *Arist.*, *Ath. Pol.* 26, 3; 42, 1. Ср. *Busolt — Swoboda*. *Op. cit.*, S. 224—223, 900 f.; *Latte*. *Op. cit.*, Sp. 750.

⁴¹ См. *Isae.*, I—XI; *Dem.*, XLIII, XLIV.

⁴² К числу таких тяжб относится спор о наследстве Гагния, которому посвящены XI речь Исея и XLIII речь Демосфена.

вому гражданину предстояло по-настоящему поселиться в Аттике⁴³, ему необходимо было получить не только политические, но и социальные права, возможность создать ойкос, передать по наследству имущество, обеспечить продолжение своего рода. Для этого необходимо было включение во фратрию.

Не играя роли в политической структуре афинского полиса, фратрия была важным элементом его социальной организации. Этим определяется ее возросшее значение в IV в. до н. э., в период всестороннего развития социальной активности различных слоев населения.

Вопрос о роде в Афинах IV в. до н. э. тесно связан с вопросом о фратрии — место и роль в ее составе. Но он имеет и самостоятельное значение. Именно в этот период наблюдается активная деятельность родов, о чем свидетельствуют их декреты и частые упоминания в источниках. Родом (γένος) начинают именовать группы, включавшие влиятельные в прошлом семьи (например, Алкмеонидов)⁴⁴, и новые семейные группы, выдвинувшиеся благодаря своему богатству и многочисленности⁴⁵.

Из древних родов, многие из которых захирели к этому времени⁴⁶, сохраняют свое значение в жизни Афин те, которые обладали наследственными жреческими функциями, — Евмолпиды, Керики, Этеобутады. Их роль в культе была источником престижа, способствовала обогащению и выдвижению отдельных деятелей и на политическую арену.

Мак Кендрик, исследовавший судьбы афинской знати на протяжении четырех столетий, от 399 г. до н. э. до 31 г. до н. э.⁴⁷, выступает против *opinio communis*, что Клизфен свел на нет роль родов, ограничив их влияние областью религии. Автор утверждает, что еще в IV в. до н. э. и позднее родовая знать способна была превратить религиозное влияние в политическое. Однако из большого собранного им и систематизированного материала о политическом и экономическом влиянии знати видно, что она, не считая родов типа Евмолпидов и Кериков⁴⁸, выступает в виде отдельных семей и личностей, а не как спаянные солидарностью большие родственные группы. Их значение определяется не столько родовитостью, сколько богатством. Правда, перекрещивающиеся браки закрепляют влияние уже выдвинувшихся семей и проявляется постоянная тенденция их превраще-

⁴³ Дарование гражданских прав иногда сводилось к формальной почести, когда, например, шла речь о правителях других государств — царях Боспора, Дионисии Сиракузском, Евагоре Кипрском и др. (Syll.³, 159, 206, 370; *Dem.*, XII, 10). Но для постоянного живших в Афинах метеков или переселявшихся туда в силу целого ряда обстоятельств чужеземцев эта привилегия имела огромное значение.

⁴⁴ Вопрос о том, можно ли считать Алкмеонидов родом, спорен. В свое время его поднял Уэйд-Гери (*Studies in the Structure of Attic Society*, p. 82). Его решительно поддерживает Буррио (*op. cit.*, p. 424, 549—560, 715—723, 1291 *suiv.*), по мнению которого Алкмеонидов стали называть *genos* только со второй половины IV в. до н. э. У Буррио дается подробная сводка мнений по этому вопросу.

⁴⁵ В качестве примера можно привести Буселидов, о которых мы знаем благодаря тяжбе о наследстве, засвидетельствованной Исеом (XI) и Демосфеном (XLIII). Перед нами выступают шесть поколений потомков Бусела, реального исторического лица, отца пятерых сыновей, каждый из которых создал свой ойкос.

⁴⁶ Таким родом был, по-видимому, род Бритидов, к которому принадлежал Фрас-тор, женившийся по уговору Стефана на дочери Нэзры (*Dem.*, LIX, 50, 59). Членом рода был, очевидно, второй ее муж Феогеп, избранный архонтом-басилеем, о котором говорится, что он был благородного происхождения, но беден. [*Dem.*], LIX, 72: ἀνδρῶν ἐὺγενῶν, πένητα δέ.

⁴⁷ MacKendrick P. *The Athenian Aristocracy 399 to 31 B. C.* — *Martin Classical Lectures*, XXIII. Camb. Mass., 1969.

⁴⁸ Интересный материал об этих двух родах, поставлявших жрецов в Элевсинское святилище, собран и исследован в книге: Clinton K. *The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries*. — TAPS, N. S., v. 64, p. 3. Philadelphia, 1974. Сведения об упоминаемых в источниках членах родов за 400 лет собрал и свел в таблицу Мак Кендрик. На первом месте стоят Керики (76), на втором — Этеобутады (38), на третьем и четвертом — Евмолпиды и Гефирсы (17 и 16).

ния в элиту. Особо благоприятные для этого условия были в эллинистический и римский периоды ⁴⁹.

Что касается IV в. до н. э., то о роде как замкнутой группе, сохранившей свои привилегии, говорят обычно в связи с фратрией. Единственным документом этого периода, позволяющим заглянуть внутрь структуры фратрии, является уже упоминавшаяся надпись Демотионидов. В ней наряду с Демотионидами два раза упоминается οἶκος τῶν Δεκелейῶν. Если при проверке, о которой идет речь в первой части надписи, кого-либо отвергают, он вправе апеллировать к Демотионидам. При этом «ойкос Декелеян» выделял пять синегоров, которые приносили клятву, что будут выступать наисправедливейшим образом и не допустить, чтобы в составе фратрии находился тот, кто не имеет на это права. В случае отклонения апелляции подавший ее должен был уплатить 1000 драхм штрафа, взыскивать который поручалось жрецу «ойкоса Декелеян» (сткк. 30—44). В дальнейшем тексте надписи «ойкос Декелеян» больше не упоминается.

В свое время Виламовиц высказал предположение, что «ойкос Декелеян» — это привилегированная группа во фратрии Демотионидов, которая некогда контролировала доступ во фратрию, а сейчас частично сохранила эти функции ⁵⁰. Его мнение получило широкое признание, хотя некоторые исследователи присоединились к нему с оговорками ⁵¹. В 1931 г. с критикой этой интерпретации выступил Уэйд-Гери. Он полагает, что фратрией является «ойкос Декелеян», а Демотиониды — это привилегированная аристократическая корпорация внутри фратрии, сохранившая от прошлого функции контроля и эксегезы. Фратрия руководствуется «законом» Демотионидов. Здесь перед нами пережиток древней системы евпатридов-эксегетов, архаической религии, системы, существовавшей в Афинах до Солона ⁵². К Уэйд-Гери присоединились многие исследователи ⁵³, но против его интерпретации решительно выступил Карштедт, а недавно Буррио ⁵⁴.

Нам представляется, что нет оснований считать ни Демотионидов привилегированной аристократической группой внутри фратрии Декелеян, ни «ойкос Декелеян» пережитком некогда господствовавшего во фратрии рода. Весь текст надписи, кроме нескольких строк вначале, посвящен вопросу приема во фратрию. «Закон» Демотионидов подобен законам других фратрий, о которых упоминают ораторы тоже в связи с приемом в их состав. Что касается эксегетических функций, о которых пишет Уэйд-Гери, то они оказались действительно весьма живучей привилегией старой знати, но касались они прежде всего области религии, верований, обрядов, о которых нет речи в надписи Демотионидов.

Что касается «ойкоса Декелеян», то это, вероятно, реальный центр фратрии, находившийся в Декелее, вокруг которого группировались прежде всего жившие там фратеры. То, что синегоры из «ойкоса Декелеян» привлекаются при рассмотрении апелляционных жалоб отвергнутых, вовсе не доказывает привилегированного положения этой группы. Ведь речь идет о начале IV в. до н. э. — 396/5 г., когда еще реально ощущались последствия спартанской оккупации Декелеи. Очевидно, именно с этим связана проверка членов фратрии. Естественно, что наибольшие сомнения вызывали фратеры, приписанные к декелейскому дему, и они, вероятно, пре-

⁴⁹ В то время как деятельность фратрий прекращается, роды сохраняются и активизируются. Ср. *Bourriot. Op. cit.*, p. 636 suiv.

⁵⁰ *Wilamowitz. Op. cit.*, S. 259—279.

⁵¹ См. *Busolt — Swoboda. Op. cit.*, S., 254, 879, 959.

⁵² *Wade-Gery. Studies in the Structure of Attic Society*, p. 129—143.

⁵³ *Guarducci. Orgeoni e tiasoti*, p. 332—340, 503—507; *Thompson W. E. An Interpretation of the Demotionid Decrees.* — *Symbolae Osloenses*, XLII, 1968, p. 51—68 (эта статья мне, к сожалению, осталась недоступна и известна только по ссылкам в других работах); *Andrewes. Op. cit.*, p. 3—5, 14; *MacKendrick. Op. cit.*, p. 5—6.

⁵⁴ *Kahrstedt. Op. cit.*, S. 234, Anm. 1; *Bourriot. Op. cit.*, p. 639—648; *Latte. Op. cit.*, Sp. 750.

обладали в числе отвергнутых при первой проверке. А разобраться в существе дела лучше всего могли их ближайшие соседи ⁵⁵. Характерно, что в дальнейших мерах по упорядочению приема во фратрию «ойкос Декелеян» не играет никакой роли. А ведь декрет о привлечении фиасов к этой операции относится к тому же времени (первые три части надписи написаны одним резчиком). Дело, по-видимому, в том, что вначале речь шла о проверке членов фратрии, введенных в ее состав во время войны, а затем уже — о процедуре на будущее, когда отцы представляли своих сыновей для включения их в состав фратрии.

Что касается справедливо поднятого Уэйд-Гери вопроса, как можно апеллировать к фратрии против ее собственного решения ⁵⁶, то заметим, что, когда в дело включаются фиасы, голосование проходит две стадии, решение фратрии является окончательным (как бы ни проголосовал фиас) и ни о какой апелляции нет речи. В первом же случае речь идет, по-видимому, о послевоенной единовременной и чрезвычайной проверке, о поименном голосовании всего списка фратеров ⁵⁷. При апелляции же отвергнутых выделялись специальные синегоры и вопрос разбирался в форме судебного процесса, позволявшего более тщательно выяснить происхождение и родственную принадлежность исключенного. В качестве аналогии можно привести введенную в Афинах в IV в. до н. э. практику двукратного обсуждения в экклесии кандидатов на получение гражданских прав. Если на первом собрании принималось положительное решение, вопрос ставился вторично на следующем собрании, и только тогда дарование гражданства получало законную силу ⁵⁸.

Во фратрии Демотионидов неправомерно видеть пережитки древней ведущей роли рода. Вряд ли такая роль была закономерностью и в более ранний период ⁵⁹. Это, разумеется, не исключает возможности того, что в некоторых фратриях и в IV в. до н. э. отдельные семьи пользовались большим престижем, чем другие. Это могло быть связано с наследственными жреческими функциями ⁶⁰, выдающимся богатством, политическим влиянием. Аналогичная ситуация может быть прослежена и в демах этого времени ⁶¹, где никому не придет в голову искать следы сохранения привилегий старой знати.

В эпиграфических свидетельствах о роде, число которых возрастает начиная с IV в. до н. э., он выступает в связи с культами ⁶², экономической деятельностью (в роли землевладельца, кредитора при займах под ипотеку и др.) ⁶³, почестями отдельным лицам за благоволение и щедрость ⁶⁴ и т. д.

⁵⁵ Судя по тому, что сведения о кандидатах, подлежащих приему во фратрию, должны были выставляться там, где часто бывают декелеяне (сткк. 120 слл.), большая часть фратеров жила в Декелее.

⁵⁶ *Wade-Gery. Studies in the Structure of Attic Society*, p. 138.

⁵⁷ Сткк. 15—16: διαβιβάζει περί αὐτῶν... αὐτίκα πάλιν — провести относительно них проверку... тотчас же, немедленно.

⁵⁸ *Dem.*, LIX, 89—90; ср. *Bisalt — Swoboda. Op. cit.*, S. 945 f.

⁵⁹ Существование фратрии засвидетельствовано уже в гомеровских поэмах, в Афинах — с VII в. до н. э. γένος в смысле рода появляется позднее. См. *Roussel. Op. cit.*, p. 93 suiv.; *Bourriat. Op. cit.*, p. 257, not. 55, p. 261, 649, not. 455, 1335 suiv., 1381 suiv.; *Momigliano — Humphreys. Op. cit.*, p. 350, 353, 365.

⁶⁰ Так, например, Эсхин (II, 147) с гордостью заявляет, что его отец Атромет принадлежал к фратрии, которая имеет общие алтари с Этеобутадами, поставлявшими жрецов Афины Полиады. По-видимому, столь же влиятельными были и Керики, к которым Каллий ввел своего внебрачного сына (*And.*, I, 126—127).

⁶¹ См. *Sundwall J. Epigraphische Beiträge zur sozial-politischen Geschichte Athens.* — *Klio*, Beiheft 4, 1906, S. 53—58; *Haussoullier B. La vie municipale en Attique. Essai sur l'organisation des dèmes au quatrième siècle. P.*, 1884, p. 59—62, 121, 178 suiv.

⁶² IG, II², 1235, 2339, 2342, 2602, 3629—3630; *Hesp.*, VII, 1938, p. 92, № 12.

⁶³ IG, II², 1597, 2670; *Syll.* ³, 926; *Bull. Ep.*, 1976, p. 453, № 199; *SEG*, XXI, 559—560.

⁶⁴ IG, II², 1230; *Hesp.*, XIX, 1960, p. 2—4, № 3; *SEG*, XIX, 419.

Особое место занимают опубликованные В. Фергюсоном в 1938 г. две стелы с надписями рода Саламиниев⁶⁵, о существовании которого было известно из почетного декрета конца IV в. до н. э.⁶⁶ Стелы Саламиниев — единственное подробное свидетельство о внутренних делах афинского рода в IV—III вв. до н. э. Надпись первой стелы датируется 363/2 г. до н. э., второй — серединой III в. до н. э.⁶⁷ Саламинии мало чем соответствуют традиционным представлениям о греческом роде. Название не связано ни с мифическим, ни с реальным предком⁶⁸, члены рода рассеяны по всей Аттике⁶⁹, нет речи об общем родовом кладбище⁷⁰, о культе архегета. Священный календарь рода, содержащий перечень богов и героев (более 15) и причитающихся им жертв, мало чем отличается от соответствующих календарей афинских демонов того же периода⁷¹. Земельные владения рода сдаются в аренду, а получаемая плата расходуется на жертвоприношения, оплату жрецам, ремонт святилищ и др.⁷²

В 363/2 г. до н. э. род разделялся на две враждовавшие между собой ветви — Саламиниев Суния и Саламиниев Гептафил. Надпись на первой

⁶⁵ Ferguson. The Salaminioi..., p. 1—74. В первой стеле 97 строк, во второй — 45. Издатель снабдил текст обширным и обстоятельным комментарием. Текст первой стелы воспроизведен в SEG, XXI, 527. После опубликования стел Саламиниев появились многочисленные отклики. См. Nilsson M. P. The New Inscriptions of the Salaminioi. — *AJPh*, LIX, 1938, p. 385—393; Guarducci M. L'origine e le vicende del genos attico dei Salaminioi. — *RFIC*, LXXVI, 1948, p. 223—243; Daux G. Notes épigraphiques et philologiques. — *REG*, CLIV, 1941, p. 220—222; Зельин. Ук. соч., с. 134 сл.; Bourriot. Op. cit., p. 573—594, 685—690, 1095—1100; Zambelli M. Il demo di Diomeia. Le Metageitnia e le origini dei Gefirei, dei Mesogei e dei Salaminioi. — *RFIC*, CIV, 1976, 2, p. 163—181.

⁶⁶ IG, II², 1232. Какому-то лицу воздаются почести за благочестие к богам и роду. Ему даруется золотой венок ценой в 1000 драхм.

⁶⁷ Первая стела датируется по афинскому архонту-эпониму: ἐπὶ Χαρχλαίδ' ἀρχοντος Ἀθεταίου (стк. 2). Он упоминается и в стк. 56, 67. Когда говорится о клятве, принесенной Саламиниями, называются два архонта рода (сткк. 69—70: ἐπὶ Διφίλῳ Διοπείδου Σουνιῶν Σαλαμινίων ἀρχοντος; сткк. 73—75: ἐπὶ Ἀντισθέωνος Ἀντιγενοῦς Ἀχαρῶν ἀρχοντος Σαλαμινίων). Каждый из них представлял одну ветвь рода. Во второй стеле указано только имя архонта (сткк. 1—2: ἐπὶ Φανοράχου ἀρχοντος) без уточнения. Если Фаномах афинский архонт-эпоним, то стела датируется примерно 250 г. до н. э. Если это не афинский архонт, а общий архонт всех Саламиниев, то датировка все же остается в силе, так как, по палеографическим данным, вторая стела на сто лет позднее первой. См. Ferguson. The Salaminioi..., p. 69.

⁶⁸ С Саламином в мифологической традиции связан Еврисак, сын Эанта (Аякса). Но его культ не главный у Саламиниев. Еврисаку приносится жертва стоимостью в 40 драхм (сткк. 88), так же как Посейдону Гипподромию, Зевсу Фратию (в Апатурии), Афине (в Панафинеи), Аполлону Отеческому, между тем Гераклу жертвуют быка ценой в 70 драхм (стк. 86).

⁶⁹ Группа Саламиниев Суния, очевидно, вся была приписана к этому дему. Саламинии Гептафил относятся к различным демам. В сткк. 70—79 перечислены имена представителей рода, которые поклялись соблюдать условия примирения. Среди них восемь Саламиниев Суния (τῶν ἀπὸ Σουνίου) названы по имени и отчеству, а восемь Саламиниев Гептафил (οἱ ἐκ τῶν Ἑπταφύλων) — по имени, отчеству и дему. Демы эти — Бутады, Агрилы, Ахарны, Эпикефисии.

⁷⁰ О захоронении на общем кладбище как свидетельстве принадлежности к одной семейной группе см. Dem., LVII, 28; XLIII, 79—80. Но в обоих случаях речь идет о группе родичей, потомков одного какого-либо лица в течение нескольких поколений, а не о роде в традиционном понимании.

⁷¹ В последние десятилетия опубликовано несколько священных календарей афинских демонов. Все они относятся к IV в. до н. э. См. Daux G. Δημάρχια ἡμέρων. La grande demarchie: un nouveau calendrier sacrificiel d'Attique. — *BCH*, LXXXVII, 1963, p. 603—634; Dunst G. Der Opferkalender des attischen Demos Thorikos. — *ZPE*, XXV, 1977, S. 243—264; Dow S. Six Athenian Sacrificial Calendars. — *BCH*, XCII, 1968, p. 170—186; Mikalson J. D. Religion in the Attic Demes. — *AJPh*, XCVIII, 1977, 4, p. 424—435.

⁷² См. SEG, XXI, 527, сткк. 24—25: ὅσα δὲ ἀπὸ τῆς μισθώσεως ἔθουν Σαλαμίνιοι...; сткк. 59—60: τὴν δὲ τὴν ἐργάσασθαι τὸν μεμ[ι]σθωμένον ἕως ἂν ἐξέλθῃ ὁ χρόνος ὃν ἐμισθώσατο; сткк. 83—84: ὅπως ἂν οἱ ἀρχοντες... εἰδῶσι ὃ τι δεῖ πρῶτον συνβάλλεσθαι εἰς τά[ς] θυσίας ἀπάσας... ἀπὸ τῆς μισθώσεως τῆς γῆς τῆς ἐφ' Ἡρακλείῳ. Всего на жертвоприношения род тратит $530\frac{1}{2}$ драхмы из арендной платы за землю у святилища Геракла (сткк. 94—95). О тратах на ремонт святилищ см. сткк. 54—55: εἶν δὲ τι δεῖν ἐπισκευάζειν τῶν ἱερῶν.

стеле (97 строк) была начертана в знак примирения с помощью арбитража⁷³. К середине III в. до н. э. Саламиний уже представляли собой два самостоятельных рода⁷⁴, между которыми разделено некогда общее имущество, но кое-что осталось в общем пользовании для священных нужд⁷⁵.

Кроме своего сложного состава и необычного названия, род Саламиниев мало чем отличается от обычной культовой ассоциации. Своеобразие Саламиниев и несоответствие их обычным представлениям о роде вызывают к ним особый интерес и породили много гипотез как о происхождении, так и о характере этого рода. Нильссон даже назвал Саламиниев псевдо-геносом, которому были поручены некоторые культы⁷⁶. Но как же быть с тем, что сами Саламиний именуют себя γένος⁷⁷?

Каково бы ни было происхождение рода Саламиниев⁷⁸, он существовал, был объединен общностью культов, совместными, хотя и небольшими, но доходными земельными владениями, имел своего архонта (общего для всех или своего у каждой ветви), пожизненных жрецов и жриц⁷⁹, глашатая. Род имел возможность отмечать и награждать оказавших ему услуги лиц. Наряду со своими культами Саламиний участвовали в общегреческих праздниках — Панафинейх и Апатурийх⁸⁰. Связь рода с государством относится прежде всего к области религии. Полис участвует в расходах на некоторые жертвоприношения⁸¹. Документы рода датируются именем афинского архонта-эпонима. Но свои внутренние распри Саламиний разрешали с помощью арбитров, без вмешательства общеполитических органов⁸².

Между тем в числе Саламиниев был ряд лиц, игравших видную роль в политической и экономической жизни Афинского полиса. Среди них были стратеги, политические деятели, казначеи, триерархи, рудничные пред-

⁷³ SEG, XXI, 527. 2—8. Арбитров пять, причем указаны их имена и деды, без отчества. Они, по-видимому, не принадлежали к роду Саламиниев. Спор, вероятно, касался имущества, жреческих должностей и распределения расходов на культовые нужды. По решению арбитров жрецы и жрицы впредь должны были избираться из обеих ветвей рода (сткк. 12—14: καὶ κληροῦσθαι κοινῇ ἐξ ἀμφοτέρων ἐπειδὴν τελευτήσῃ τις τῶν ἱερέων ἢ τῶν ἱερέων). Имущество, состоявшее из земли у святилища Геракла, солеварни (τὴν ἀλ(λ)ῆν) и агоры в Койле, делилось пополам, и каждая ветвь должна была поставить богов (сткк. 16—19). Расходы на жертвоприношения также впредь должны были делиться пополам (сткк. 24—26).

⁷⁴ Во второй стеле Саламиниев говорится явно о двух родах: сткк. 35—36: ἐκατέρου τοῦ γένους; стк. 38: ἀμφοτέρων τῶν γένων.

⁷⁵ В общем владении обоих родов остаются теменос Геракла и находящиеся на нем алтари, солеварня и агора в Койле. Делятся между родами два дома, земельные участки, сады (τοὺς κήπους), колодец (или цистерна — τοῦ φρέατος τοῦ ἡμῶν), у каждого свой молотильный ток (ἴλος).

⁷⁶ Nilsson M. P. Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951, p. 31: Salaminioi were a pseudo-genos to which the care of certain cults was entrusted; idem. Geschichte der griechischen Religion. 3. Aufl. B. I. München, 1968, S. 418. Anm. 4: Das Pseudo-Geschlecht der Salaminioi . . .

⁷⁷ Ср. Bourriot. Op. cit., p. 13, 24, 368, 573—594, 685—690, 1095—1100.

⁷⁸ Мы не рассматриваем здесь многочисленные гипотезы о происхождении и характере рода Саламиниев. Фергюсон подробно говорит о мнениях, высказанных до опубликования им новых текстов, а последующие излагаются (и критикуются) в работе Буррио (op. cit., p. 582—594).

⁷⁹ Это видно из того, что в сткк. 12—14 первой стелы говорится о порядке выбора жрецов и жриц взамен умерших (καὶ κληροῦσθαι κοινῇ ἐξ ἀμφοτέρων ἐπειδὴν τελευτήσῃ τις τῶν ἱερέων ἢ τῶν ἱερέων).

⁸⁰ См. стелу № 1, сткк. 89—90. В Папафинейх Афина приносили в жертву свинью ценой в 40 драхм и еще три драхмы тратились на дрова и пр. Такой же стоимости было жертвоприношение Зевсу Фратрию в Апатурийх (сткк. 92—93).

⁸¹ См. стелу № 1, сткк. 20—21: ὅσα μὲν ἡ πόλις παρέχει ἐκ τοῦ δημοσίου.

⁸² В 364/3 г. до н. э. спор разрешают пять диэтетов (стела № 1, сткк. 5—8), 16 Саламиниев (по восемь от каждой ветви) клянутся следовать достигнутому соглашению. В середине III в. до н. э. два образовавшихся за истекшее время рода примирились при посредничестве двух избранных, очевидно, кажда из них из своей среды представителей (стела № 2, сткк. 3—7: ἐπὶ τοῖςδε διαλύσαντο τὰ γένη πρὸς ἀλλήλα... ἀπὸ τῶν αἰρεθέντων διαλυτῶν Ἀντιγένοῦς Σημαχίδου καὶ Καλλιτέλου Σουνιέως).

приниматели⁸³. Деятельность отдельных Саламиниев засвидетельствована вплоть до римского периода, причем в разных планах⁸⁴. Во всех этих случаях выступают отдельные лица как индивиды, а вовсе не как представители родовой группы.

В Афинах IV в. до н. э. бесспорно были влиятельные знатные семьи, престиж которых определялся славой предков, личными качествами отдельных лиц, унаследованным или благоприобретенным богатством. Они увеличивали свое влияние и приумножали богатства с помощью экономических средств (процентные займы, предпринимательство, земельные владения), активного участия в политической жизни, особенно во внешнеполитических мероприятиях, иногда путем перекрещивающихся брачных союзов.

В то же время отдельные семейные группы, не имевшие древних фамильных традиций, именуют себя по имени общего предка, увековечивают памятниками могилы своих умерших членов и стремятся их сгруппировать⁸⁵. В интересном исследовании Хамфриз об афинских семейных могилах⁸⁶ на основе большого археологического и эпиграфического материала убедительно показана эволюция заупокойного культа от обращенного к внешнему миру подчеркивания гражданских доблестей умершего к прославлению его индивидуальных добродетелей, моральных качеств, проявлявшихся в частной жизни, и к подчеркиванию тесных внутрисемейных связей. Хамфриз, полемизируя с Фюстель де Куланжем, утверждает, что забота об увековечении в потомстве не должна рассматриваться как пережиток древнего культа предков, постепенно разрушавшегося государством; она, напротив, активизируется начиная с конца V в. до н. э., причем частные лица подражают при этом обычаю общественного поминовения и прославления покойных.

Автор обращает внимание на небольшие размеры огражденных семейных кладбищ, самые большие из раскопанных до сих пор включают представителей двух — шести поколений. С конца IV в. до н. э. тенденция к богатым памятникам уступает место более скромным погребениям, поминовению в узком кругу родных и друзей, которые начинают более значить для многих греков, чем полис в целом.

Сплочение родственных групп, повышение интереса к семейным связям сопровождается большим вниманием к родословной, к восстановлению или измышлению генеалогии. Слово γένος чаще, чем раньше, фигурирует в источниках в отношении групп, к которым раньше оно не применялось⁸⁷. В IV в. до н. э. возрастает число свидетельств о деятельности родов в области культа, внутренней администрации (почетные декреты, строительство святилищ) и экономической сфере (horoí).

Можно ли на этом основании говорить о возрождении постулируемого для архаического периода могущественного сплоченного рода? Разумеется, нет. Усиление активности не является свидетельством растущего значения, γένος как корпорация не играет никакой роли в политической жизни полиса. Его деятельность мало чем отличается от деятельности частных ассоциаций преимущественно культового характера, число которых все более возрастает на фоне ослабления общеполитической солидарности

⁸³ См. MacKendrick. Op. cit., p. 13—15, 20, 36, 104; Ferguson. The Salaminioi. . . , p. 14, 28.

⁸⁴ Так, Феодот, сын Диодора из Суния, был эпилетом Делоса в конце II в. до н. э. В середине того же столетия представитель этого рода входил в состав эраистов, где были чужеземцы и рабы (IG, II², 2358). Ср. MacKendrick. Op. cit., p. 53—55. В списке упоминаемых в источниках генетов (ibid., p. 97—105) Саламинии занимают третье место после Кериков и Этеобутадов.

⁸⁵ Так, например, потомки Бусела, умершего, очевидно, в V в. до н. э., составили пять ойкосов. Все они состоятельные люди. У семейной группы общий огороженный участок для погребения ее членов (Dem., XLIII, 79: μνήματος ὅντος κοινὸν ἀπασιν τοῖς ἀπὸ τοῦ Βουσελείου γενομένοις καὶ καλεῖται τὸ μνημα Βουσελείδων...).

⁸⁶ Humphreys. Family Tombs and Tomb Cult. . . , p. 96—126.

⁸⁷ См. Bourriot. Op. cit., p. 554—569.

и тенденции к преобладанию социальных интересов над политическими. От многочисленных культовых и иного назначения сообществ γένος отличается более прочным составом, наследственной принадлежностью его членов и причастностью их к гражданской общине.

Афинский род, менее связанный с полисной системой, чем фратрия, оказался более живучим, чем она, продолжая свою деятельность и в эллинистический и в римский периоды⁸⁸. По мере разложения гражданской общины статус афинского гражданина постепенно терял свою ценность. Уменьшается значение членства во фратрии как предпосылки полноправного гражданства. Эта функция вполне обеспечивается демами⁸⁹. Начиная с эллинистического периода, большую роль стали играть письменные документы. Возрастает их доказательная роль в сравнении с устными показаниями. Роль фратрии сужается и в этом плане. Ее деятельность все более замыкается кругом внутренних вопросов, интересующих лишь небольшую группу ее членов. Тенденция к преобладанию внутрисемейных интересов над более широкими, социальными также, по-видимому, сыграла роль в ослаблении фратрии, объединявшей различные, не обязательно связанные родством семьи.

Что касается γένος'а, семейной группы, насчитывавшей несколько поколений, то для ее развития складывались все более благоприятные условия по мере того как общеполитические интересы оттеснялись на второй план в сравнении с индивидуальными и семейными. Источники IV в. до н. э. не подтверждают распространенного мнения о господствующей роли рода в составе фратрии. В дальнейшем пути этих двух социальных организмов разошлись и судьбы их оказались различными.

⁸⁸ См. MacKendrick. Op. cit., p. 29—67.

⁸⁹ Вопрос о том, была ли и раньше принадлежность к фратрии равнозначной принадлежности к дему, является весьма спорным. Так, по мнению Гомма (Gomme A. W. Two Problems of Athenian Citizenship Law. — Cl. Ph., XXIX, 1934, p. 134—137), афинскому гражданину не обязательно было входить в род и фратрию, поскольку они не были официальными подразделениями государства. В защиту противоположного мнения недавно выступил Мейер (Meier Ch. Clisthène et le problème politique de la polis grecque. — RIDA, 3 Ser., XX, 1973, p. 115—159).